

Литературная газета

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАЙРНИКОВА, А. ВОЛОДИНОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЯДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО, М. СУВОРОВА, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УШЕВИЧА

№ 78 (394)

20 ИЮНЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

ФОТО С. ШИНГАРЕВА

ЖИЗНИ НАШИ ПРИНАДЛЕЖАТ ПАРТИИ, ДЕЛУ ПАРТИИ — СОЦИАЛИЗМУ. С ВОСТОРОГОМ МЫ ЖДЕМ ЗАДАНИЙ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЧТОБЫ РИЗНУТЬСЯ В НОВЫЕ СХВАТКИ СО СТИХИЕЙ АРКТИКИ ИЛИ В БОЕВОЙ ОГОНЬ, КУДА ПОВЕДЕТ ПАРТИЯ, КУДА ПОВЕДЕШЬ ТЫ, НАШ КАПИТАН СТРАНЫ СОВЕТОВ, — СТАЛИН.

(Из письма челюскинцев тов. Сталину)

Д О Р О Г А Ц В Е Т О В

Как создавался Робинзон? Он создавался смешно. Писатель следовал классическим образам, а редактор требовал, чтобы Робинзон был окружен количеством Патнип, достаточным для создания крепкого профсоюзного коллектива. Редактор требовал общественную работу. В этом видел он здоровую заботливость.

Читатель смеялся. Какая же общественная работа на необитаемом острове? На необитаемом острове вовсе не требуется вести общественную работу.

А на льдине?

Ильф и Петров не должны обижаться. Говорят, искусство сюжета заключается в том, чтобы неожиданным поворотом действия по-новому показать события и героев. Выходит, что наше время на этот счет много изобретательнее, чем даже талантливые и умные писатели.

Что же было на льдине?

Познание, как известно, движется наблюдением и опытом. Если в первом случае действительность изучается во всем многообразии случайностей и приводящих обстоятельств, то во втором — эх, нет слона в вагоны. — Во втором случае объект искусственно изолируется, ставится в условия, максимально благоприятные для выявления его качеств.

Что ж, Отто Юльевич и доблестные его соратники были изолированы достаточно прочно. Условия для выявления их качеств были весьма благоприятны. Весь мир следил за ходом необычного эксперимента. Результат его оказался столь определен, что не оставил возможности для двух толкований. Пытаемые стихии, большевики остались большевиками.

Много замечательных сторон имеет будущий историк в эпосе, который, вероятно, будет назван челюскинцовой. Беспорочную заботу человечества и партии во главе с великим Сталиным о своих смелых сыновьях. Поразительную отагу и искусство летчиков. Блестяще продемонстрированную техническую мощь советского воздушного флота и многое другое. Но что больше всего трогает современника, что национали-

его сердце до края восторгом, гордостью и любовью. — это, кажется нам, двухмесячное пребывание челюскинцев на льдине. И какое пребывание!

Большевики остались большевиками. Ничего необычного не было в методах, скрепленных и воодушевляющих этот замечательный коллектив. Проводили собрания. Выходила стенгазета, как выходит она в любой мельчайшей клеточке того гигантского организма, который называется Советской страной. В стенгазете не ругали завхоза, потому что он погиб, молодой и веселый Могилевич, трагически, пелено погубил; но кого-нибудь в ней ругали. Шла учеба. А почему бы ей и не идти? Читались доклады. И социалистическое соревнование, превращающее труд в дело чести, доблести и героизма для победившего протозоя. — социалистическое соревнование действовало и на дрейфующей льдине.

Страна унасла в героях себя. Вот так и мы в нашем нехе, фабрике, колхозе! Пускай в героях одних советского человека был выражен наиболее полно, — он не изменился от этого. Узнав себя в героях, страна приветствовала их бесконечно тепло. Может быть, история знала триумфы более пышные, но не знала более искренних, любовных и нежных.

Следовало бы написать особую книгу о пути челюскинцев от Владивостока до Москвы. Все, чем могли выразить трудящиеся свою любовь, было сделано. Вокзалы были украшены. Оркестры звучали. Ораторы находили самые сильные, самые жаркие слова.

Челюскинцы знали, что родина любит их и гордится ими, но такого — признаются они — не ожидали. Они даже растерялись немного. На первых станциях они выходили все и улыбаются, радостно, и ораторствовали долго думая про себя, что вот какие понаходятся замечательные станции и какие экспансивные обитатели на них. Но так повторилось лишь и десять и множество раз. После чего ветало такое чрезвычайное, но абсолютно неустрашаемое обстоятельство, как необходимость спать. Потому что встречи были так же и ночью. Все равно: в 12, в 2, в 5 час.

утра собирались рабочие и колхозники окрестных селений. Челюскинцы неизменно выходили из вагонов. Два месяца на льдине не были курортным. В поезде был специальный вагон для больных и он не пустовал. Подумав, решили установить дежурные бригады для ответных приветствий, а свободным от дежурств было вышито специальное письмо, что режим, режим, дорогие друзья! Поберегите свое здоровье, потому что Арктика-то еще не завоевана до конца!

Какой там режим! Молоков крепился довольно долго. Часа два. Он ходил по поезду и размеренно возмущался, что в газетных корреспонденциях неизменно называют его молчаливым. И тут же демонстрировал журналистам обратное. Медленно, обстоятельно, но довольно подробно доказывая им, что он вовсе не герой. После чего братья писатели, вне себя от восхищения замечательным этим человеком, принимались за корреспонденции еще более восторженными.

Молоков крепился, может быть, и больше 2 часов, скажем. 3. Дежурство было не его и он сидел у себя в купе. Уже раздевался. А у окна кушетку заблудился детский сад, не дойдя до трибуны, где выступали дежурные ораторы. Тут и не удержался Молоков. Выблуд, рассказал он детям, как пережил людей под крыльями самолета. Восторженная аудитория, организованно повиснув на ораторе, перегрузила его основательней, чем винтажные пассажиры только что упомянутого самолета.

Очевидно, слух о безобразном действии детских глаз распространялся по всей линии, и на дальнейших остановках организаторы действовали чинно. К окнам подползли дети и выходил ледовый капитан Воронин, и сам суровый Бобрин, и все остальные... Но откуда такая нежность, такое ухищрение разговаривать с ребятами у этих больших, сильных людей?

Онть оркестры. Элегантный оркестр и умница Саенчук — или этот великий Реметников? — сказал, что лазерное в заднем вагоне пританцовывал оркестр и жарит всю дорогу без перерыва. Летали аэрпланы над поездом. Огнет казалось, что одни в те

же, но они вылетали навстречу с каждой почти станции. Сыпались цветы. Сколько цветов в нашей республике! Пролетарии несли подарки. В Свердловске — уральские самоцветы. В Вятке — кустарные изделия. Колхозники на маленьких станциях — пироги, поросят, сыники. И почти на каждой станции, где хватало времени, челюскинцам показывали новые заводы и сложные машины, сработанные на них.

В поезде же происходило следующее: ежедневно поступали заявления о принятии в партию. Их подавали люди, чьи имена знают теперь все: Водопьянов, Леваневский, Липидевский, Кренкель, Факитов и др.

...Ночью журналисты, плотно набитые в купе, проснулись от крика «ура!» Станция — решили они. Но, выглянув, увидели одинокий дом в поле где случайно остановился на мгновение поезд. Сонная полуодетая женщина, выиснувшись в окно, приветствовала героев восторженным, неистовым криком.

А в Буре поезд встретил Шмидт. Он пришел раньше и когда челюскинцы вышли на перрон, он уже стоял там рядом с Ушпахтом. К нему бросились. Вокруг него сгустившись и радостно, он оказался около в центре, во главе. Он жал руки, он деловал и говорил ласково: — Разобреши, ребята, не узнат.

У Шмидта крупная, гениально выделенная голова. Фотография не дает представления о ней. Говорит Шмидт просто, но обаяние его таково, что тысячная толпа не перестает дышать после первой фразы. Сев на поезд, вне всяких дежурств, Отто Юльевич начал выступать на каждой остановке. Он не уставал повторять, что только мысль о миллионах братьев по классу давала силу челюскинцам. Что простор героизму в нашей стране — ветую. Что только руководство партии и великого Сталина могло создать массовый героизм.

Почти от самого Александрова до Москвы тянулись вьюг револьвер бесконечные шеренги людей. Они стояли, они высовывали из домов, они кричали.

В вагонах лихорадочно укладывали вещи. Прорывая путь от Владивостока до Москвы, челюскинцы поехали к сердцу страны. Им предстоял великий день. Они многого ожидали, но все, чего они ждали, беднее по сравнению с тем, что ждало их. За несколько верст от Москвы толпа стучалась, утихнула до нескольких метров. Крики слились в мощный приветственный гул. Знакомые алания... Москва.

И вот они выходят из вагонов. Опять гремит музыка, опять парят самолеты над поездом, опять приветствуют героев криками толпа. Остановка? Нет, путь окончен. Уже обнимает Шмидта Куйбышев, столь много сделавший для спасения челюскинцев, потом С. С. Каменев, потом Литвинов. Сколько знакомых лиц! Здесь те, кто славной работой у станка ли, у пилотры, или за письменным столом завоевал себе почетное звание знатного человека Советской страны. Здесь лучшие узарики, известные писатели, командиры, художники, ученые, которыми гордится столица. Кто-то плачет в толпе. Почему? Это — близкие Слпшюк много было пережито ими: едва ли меньше они переучивались, чем те, что мужественно боролись со льдами Чукотского моря.

Челюскинцы выходят на площадь. Нет, с митингом придется повременить. Путь не кончен. Героев ожидают машины. Это лучше из машин, которыми располагает Москва. Машины украшены живыми цветами. Они перевиты гирляндами, унизаны букетами, завазаны зеленью. Они делят и благоухают.

Начинается последний отрезок пути, наиболее патристический, быть может. Сколько тепла наша Москва в своем большом сердце! Медленно, в несколько рядов, передвигаются машины по торжественной Тверской. Общественные здания украшены поздравлениями — это привычно, но голубой цвет дополняет на них красный, каждый балкон, каждое окно разукрашено флажками, коврами и олиты цветами. Цветы сыплются на машины. Их обрасует стояние плотной стеной на тротуарах, их взором высосывающиеся из окон, озвучивающиеся на крышах. Недаром, го-

ворят в толпе, цветы были сегодня самым дефицитным товаром. И вдруг — что это? — снег?. Сотни, тысячи, миллионы приветственных летучек заплозуют воздух бесцельным своим порханием.

Вот когда, наконец, окончен путь! Если сердце страны — Москва, то сердце Москвы — Красная площадь, бесмолный свидетель наших подвигов и побед. Здесь, на трибуне. Шмидт, его ближайшие соратники и летчики встречаются с тем, чье имя воодушевляло их, чье мужество слово двинуло гигантскую страну в необычайный поход на помощь героям. Вместе со Сталиным входят на трибуну Каганович, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Орджоникидзе. Туда же зовут ораторы к завхозу, Отважных заветчатей Арктики делят глазами стоящий ряд Горкиев...

Открывает митинг тов. Куйбышев. От имени трудящихся Москвы приветствует челюскинцев и летчиков тов. Бугалин. Потом выступают Шмидт, Каманин, Воронин, Молоков, Бобрин и Липидевский. Им трудно начать. Крики возникают у трибуны, расходятся на площади, почти стихают и возникают снова. Но разному — завоеватели Арктики говорят об одном: любя свою родину, дей-

ствуя как большевики, опираясь на мощную поддержку масс, они выполнили свой долг. Они будут выполнять его и впредь вместе со всеми преданными сынами страны. Миллионы людей вытиснут трудящиеся, если враг посягнет на их родину.

И будущие герои вступают на площадь.

Над площадью — дирижабль, воздушные эскадрильи и — вот он, наконец! — мойщик самолет «Максим Горький», чье появление в воздухе с таким нетерпением все мы ожидали. Не зря хвалили летчики нашу авиационную промышленность!

Молодость проходит через трибуны Физкультурники. Зойцы, рабочие. — они молоды и бодраты юностью своей страны. Они легко и четко несут натренированные тела. Они идут в ряды и, близко дисциплину, не задерживаются, не вытирают глазами в тех, ради кого пришли сюда. А так хочется! И лица выдают их. Но на лицах не только любовь и восторг. На них еще твердая решимость подтвердить делом столь гордо прозвучавшее только что слово: к сотне героев присоединить миллионы.

А. КАМЕННОГОРСКИЙ.

Поезд челюскинцев — Москва, Красная площадь.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Выступление тов. Стецкого на с'езде писателей УССР

ХАРЬКОВ, 19 июня. (Молния от наш. корр.). На сегодняшнем вечернем заседании с большой яркой речью выступил зав. культурпдом ЦК ВКП(б) тов. А. И. СТЕЦКИЙ. Появление на трибуне тов. Стецкого с'езд встречает продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию.

Тов. Стецкий передал первому украинскому с'езду советских писателей приветствие от ЦК ВКП(б). В ответ на это приветствие делегаты встали и устраивают бурную овацию. В зале раздаются возгласы: «До здравствует ЦК ВКП(б) и вондъ пролетариата всего мира т. СТАЛИН».

А. КРОЛЬ

